

Кровь смывали порой
Черной волжской водой
И друзей без гробов хоронили...

Напрасно также составители не воспользовались более полным вариантом «Фотокарточки», опубликованным в «Известиях АН СССР» (Отделение литературы и языка, т. XI, вып. 6, 1952, стр. 538). Неясно, почему составители сборника не использовали работу И. Н. Розанова, посвященную народным вариантам «Катюши» Исаковского (см. стр. 106 и сл.). В некоторых комментариях не указывается время записи текста, хотя это может иметь важное значение для определения продолжительности жизни той или иной песни (см. № 59 — «Стихли залпы последние» и № 107 — «Эй, друзья, сильнее грянем»). Отдельные положения в примечаниях даны без убедительной аргументации; так, связь песни № 64 («Мой мальчик») с «Землячкой» Суркова-Листова, о которой говорят составители (см. стр. 131), остается неясной.

Сборник имеет научный справочный аппарат: «Указатель имен советских поэтов и композиторов, упоминаемых в комментариях к песням», и «Указатель песен, на мотивы которых исполнялись песни Великой Отечественной войны». Необходимость обоих указателей не вызывает сомнения, но принцип, по которому составлялся первый указатель, остается неясным. В самом деле, почему Г. И. Фроловский, шесть песен которого публикуются в сборнике, в указатель не вошел, а П. Акуленко, Алексеев, В. Белый, З. Кац и другие, у которых вошло в сборник лишь по одной песне из всех, ими сочиненных, в указателе помещены? Если составители руководствовались здесь принципом профессиональности, то ведь в вводной статье они показали, как тесно переплеталось между собой творчество профессиональных и непрофессиональных поэтов. Было бы гораздо правильнее включить в указатель фамилии всех упоминаемых в комментариях к песням авторов, исполнителей и собирателей фронтовых песен. Второй указатель к сборнику составлен очень тщательно и послужит хорошим подспорьем для каждого, занимающегося историей песни Великой Отечественной войны.

Авторы посвятили свою книгу «Героической советской молодежи, сражавшейся на фронтах Великой Отечественной войны» (стр. 5). Они сделали большое и благородное дело, сохранив для потомков «песни былых походов». Вышедший в свет сборник — удачное в целом завершение трудоемкой и сложной работы составителей по собиранию, систематизации и научной обработке песен Великой Отечественной войны. Помимо большого научного значения, сборник имеет и громадное воспитательное значение: на помещенных в нем песнях советская молодежь будет учиться мужеству и героизму.

Л. Н. Пушкарёв

С. И. Руденко. *Башкиры. Историко-этнографические очерки. Башкирский филиал АН СССР. Институт истории, языка и литературы. М.—Л., 1955.*

В рассматриваемой книге дано подробное описание хозяйства, материальной культуры, семейного быта и народного творчества башкир в конце XIX — начале XX в. По существу рецензируемая работа представляет собой повторное издание второй части монографии «Башкиры», опубликованной в 1925 г.¹ Правда, автор, учитывая серьезные успехи, достигнутые советской этнографической наукой за 30 лет, разделяющих эти издания, существенно пополнил и переработал материал и пересмотрел некоторые прежние выводы. В соответствии с этим увеличилось количество глав, причем главы I—III, содержащие описание природных условий Башкирии, исторический очерк и характеристику общественного строя башкир, написаны заново. Специальная глава (XV) посвящена этногенезу башкир. Все это существенным образом улучшило книгу, хотя автор и не смог преодолеть отдельные ошибки и недочеты первого издания своей работы.

Рецензируемая работа состоит из 15 глав и заключения. В кратком историческом очерке (глава II) автор основное внимание уделил древнему, наименее изученному периоду истории Башкирии. Несмотря на слабую в целом археологическую изученность территории Башкирии, С. И. Руденко, привлекая довольно широкий круг материалов, начиная с эпохи палеолита, наметил основные этапы истории племен Приуралья до сложения племенных объединений и далее до оформления башкирской народности. Выводы С. И. Руденко по древнему периоду истории Башкирии, несмотря на недостаточную аргументированность, не могут не вызвать интереса, так как имеют важное значение для научной разработки вопросов этногенеза башкир.

В главе III приведены интересные сведения о земельных отношениях в Башкирии с момента ее присоединения к Русскому государству и о родоплеменном составе башкир в XVIII в. Автор попытался также разобраться в характере общественных отношений башкир.

¹ Первая часть монографии С. И. Руденко «Башкиры», посвященная характеристике физического типа башкир, была опубликована в 1916 г.

Содержание и построение глав II и III вызывают некоторые возражения. Недостатком главы II является неправильное соотношение материала по истории Башкирии различных периодов. Истории Башкирии XVI—XIX вв. автор уделяет незаслуженно мало внимания, хотя известно, что именно в этот период сложились и оформились многие элементы материальной и духовной культуры башкирского народа. Нельзя, например, обойти молчанием вопрос о переселении в Приуралье в XVII—XIX вв. русских, татарских, марийских, чувашских и других крестьян. Массовые переселения коренным образом изменили этническую карту Башкирии. В то же время эти переселения изменили состояние производительных сил края; они содействовали развитию в Башкирии передовых форм хозяйства (земледелия), открыли возможность для проникновения в Башкирию товаро-денежных отношений и т. д. Русское крестьянство оказало большое прогрессивное влияние на башкир, способствовало их экономическому и культурному развитию. Эти вопросы не нашли должного раскрытия в монографии. Непонятно также отсутствие в книге хотя бы очень краткого изложения истории Башкирии конца XIX — начала XX в. В главе III автор сосредоточил внимание на анализе общественного строя башкир в XVII—XVIII вв., тогда как вопросы социально-экономических отношений и классовой структуры башкирского общества в конце XIX — начале XX в. также остались неосвоенными. Этот серьезный недостаток отразился на всей книге в целом. В работе недостаточно прослеживаются классовые различия при описании материальной культуры и семейного быта башкир.

Характеристику общественного строя башкир в XVII—XVIII вв., которую дает С. И. Руденко, также нельзя принять без существенных оговорок. Он пишет: «Производственные отношения башкир развивались по пути постепенного складывания феодальных отношений на почве уже давно начавшейся классовой дифференциации» (стр. 45). Отрицая феодальный характер общественных отношений, С. И. Руденко отрицает и наличие в Башкирии феодального землевладения, феодальной эксплуатации. По мнению автора, эксплуатация происходила в земледельческих районах «на основе ростовщичества и закабаления долговыми обязательствами», а в скотоводческих районах на основе использования труда экономически зависимых сородичей (стр. 45). Отсюда следует, что при преобладании кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства феодализация шла по пути присвоения труда сородичей. С этим нельзя согласиться, так как основой процесса феодализации является захват феодалами земельной собственности, а не функций родовой взаимопомощи и тем более не ростовщичество или кабальные сделки, присущие всякому классовому обществу.

Исходя из этих ошибочных толкований, С. И. Руденко упрощенно делит башкирское общество на две социальные группы: на эксплуататоров и эксплуатируемых (стр. 49). Выводы автора, построенные без учета специфики феодального землевладения и феодальной эксплуатации в башкирском обществе, не дают правильного представления о сущности патриархально-феодальных общественных отношений в Башкирии в XVII—XVIII вв.

В главах IV—VI («Занятия и образ жизни», «Звероловство, птицеводство и рыболовство», «Бортничество и пчеловодство, скотоводство и птицеводство, земледелие») в историческом плане рассматриваются занятия башкир, прослеживается территориальное распространение отдельных форм хозяйства. Автор подробно описывает орудия и инвентарь, связанные с земледелием, скотоводством, бортничеством и пчеловодством, охотой и рыболовством. Значительное место уделено описанию ведения земледельческого и особенно скотоводческого хозяйства. Сделана попытка выяснить значение и место тех или иных занятий башкир в различные исторические эпохи. Совершенно справедливо отводя охоте большую роль в жизни башкирских племен до конца I тысячелетия н. э. и позднее, С. И. Руденко несколько переоценивает ее значение в XVII и тем более в XVIII в. Охота перестала играть крупную роль в хозяйстве башкир не в конце XVIII в., а гораздо раньше. Начальник Оренбургского края И. Кириллов в 1735 г. писал, что башкиры платят «одни лисей оклад, другие куничной, да за бобровые гоны — бобры, за бортное ухажье — мед, однако же не натурою, но все деньгами установичными по старому обыкновению»². Исчисление ясака куничами и лисицами стало уже в значительной степени пережитком. Ясак платили деньгами, которые выручали от продажи главным образом продуктов земледелия (на северо-западе) или скотоводства. Охота играла подсобную роль. Не подлежит сомнению, что в конце XIX — начале XX в. основными занятиями башкир были скотоводство и земледелие.

Наиболее богаты фактическим материалом главы VII—XI, посвященные описанию материальной культуры башкир («Пища», «Домашнее производство», «Одежда и украшения», «Жилища и постройки», «Способы и средства передвижения»). Башкирия по своему географическому положению издревле занимала промежуточное положение между тремя этнокультурными зонами. С юга и востока она примыкала к тюркоязычным народам Средней Азии и к Казахстану, основным занятием населения которого вплоть до Октябрьской революции было кочевое скотоводство; с севера башкиры граничили с угро-финскими народами, долго сохранявшими древнюю таежно-лесную охотничью культуру; с запада соседями башкир были оседло-земледельческие народы Поволжья, непосредственно соприкасавшиеся с населением Центральной России. Опе-

² Материалы по истории Башкирской АССР, т. III, М.—Л., 1949, стр. 492.

рируя богатым фактическим материалом, С. И. Руденко показывает в рассматриваемых главах влияние кочевнической, лесной и оседло-земледельческой культур на хозяйство и материальный быт башкир. Автор прослеживает распространение отдельных элементов материальной культуры и выделяет районы с преобладанием комплекса кочевнической или земледельческой культуры. Основываясь на сравнительных исторических данных и археологических материалах, он выявляет наиболее древние типы башкирской одежды, украшений, построек и т. д., отмечая элементы культуры, возникшие в результате поздних этнических влияний.

С. И. Руденко различает несколько типов башкирской одежды и украшений в зависимости от области их распространения и от влияний соседних народностей. Многообразие и пестрота форм башкирской одежды свидетельствуют не только о сложности этнического состава и происхождения башкирского народа, но и о богатстве башкирской национальной культуры. Обилие фактического материала позволяет автору дать некоторое представление о племенных различиях в одежде, что очень важно при исследовании этногенетических вопросов.

Башкирские жилища автор разделяет на две большие группы: временные и постоянные. Многообразие жилищных построек у башкир является следствием разнообразия природных условий Башкирии и наличия различных форм хозяйства. В то же время это разнообразие обусловлено этнической историей башкирского народа, особенно влиянием в хозяйственном и культурном отношении более развитых соседей. Несмотря на исключительное разнообразие башкирских жилищ, автору удалось выявить районы распространения их основных типов. Большое место уделено описанию внутреннего устройства жилищ.

В главе «Домашнее производство» приведен интересный материал о ткачестве, обработке кожи и дерева, лесных промыслах, выделке изделий из шерсти и войлока. Автор совершенно справедливо подчеркивает, что промыслами башкиры занимались ради удовлетворения внутренних потребностей, а не для рынка.

При описании материальной культуры автор слабо учитывает классовые различия. Это является существенным недостатком, так как речь идет о рубеже XIX—XX вв., когда резко выявилась социальная дифференциация (как известно, острая классовая борьба привела к широким выступлениям башкирского крестьянства в период революционных событий 1905—1907 гг.). В главе об одежде в качестве почти единственного признака социальных различий указано «количество и качество украшений» (стр. 199). Так же мало уделено внимания социальным различиям в главе о жилище.

Слабо освещен вопрос и о русском влиянии. Автор не показал с должной полнотой, как отражалась братская связь с русским народом на обогащении и развитии материальной культуры башкирского народа.

В книге довольно подробно рассматривается вопрос о наличии в материальной культуре башкир общих элементов с культурой татар, казахов, удмуртов и других соседних народов. Однако выводы автора несколько односторонни. Отмечая общие элементы в материальной культуре башкир и соседних народов, С. И. Руденко часто оставляет неясным вопрос о том, чем объясняется эта общность. Является ли она отражением далеких этногенетических процессов или это результат сравнительно недавнего влияния? Этот вопрос, несомненно, требует дальнейших специальных изысканий.

Глава XII, посвященная семейному быту и народным празднествам, была бы еще более ценной, если бы автор дал описание большой семьи у башкир. Интересны сведения о существовании у башкир в прошлом строгой экзогамии, однако неясно, об экзогамии какой конкретно родственной группы идет речь: ырыу, ара, аймака или группы семей. Кстати, надо отметить некоторую нечеткость родоплеменной терминологии, которой оперирует С. И. Руденко. Так, на стр. 265 термином «тюба» он обозначает «подрод», а на стр. 53 — территорию, занимаемую аймаком. Неясно также, что представляет собой такая организация, как «подрод». Нельзя назвать четким и следующий вывод автора: «К концу XIX в. и к началу XX в. былой родовой строй и патриархальная семья башкир подверглись уже весьма значительному разложению» (стр. 284). В исторической литературе давно уже доказано, что родовой строй у башкир окончательно распался по крайней мере в период присоединения башкир к Русскому государству и что башкирское общество этого периода было классовым³.

Глава XIII «Искусство и фольклор» по сравнению с первым изданием книги значительно дополнена новыми материалами. Большой интерес представляет анализ башкирского орнамента. Учитывая технику выполнения и особенно мотивы орнамента, автор наметает три основных его вида: 1) орнаментика, выполненная в технике аппликации; это наиболее древний вид, характерный для кочевнического периода; 2) шитый гладевый орнамент; этот вид связан с угорским культурным миром; 3) узоры, выполненные тамбурным или петельчатым швом; этот вид возник под влиянием искусства казанских татар.

Трудно согласиться с мнением автора о том, что гладевое шитье является результатом недавнего влияния угорских племен. Наоборот, широкое применение этого орнамента во всей Башкирии, притом в районах, не смежных с угорскими народами, заставляет предполагать древность его распространения у башкир.

³ См. «Материалы по истории Башкирской АССР». ч. 1, М.—Л., 1936.

В главе XIV рассматриваются пережитки религиозных доисламских представлений у башкир. Начало проникновения ислама в Башкирию относится к X—XI вв. Несколько веков позднее ислам стал господствующей религией в Башкирии. Однако даже в начале XX в. среди башкир были распространены пережитки прежних доисламских верований. Автор приводит большой материал о былых космогонических представлениях башкир, о пережитках тотемизма и анимизма. Интересны материалы, свидетельствующие о наличии в прошлом у башкир шаманского культа. Пестроту пережитков древних верований С. И. Руденко совершенно справедливо объясняет «разновременными напластованиями», связанными со сложной этнической историей башкир. В состав башкирского народа при его формировании вошли племена, которые имели различную культуру, различные представления о внешнем мире, различное мировоззрение.

В главе XV, посвященной этногенезу башкир, автор в значительной степени возвращается к материалам главы II (стр. 328—329). Было бы целесообразнее рассмотрение вопроса о древнем периоде истории племен, населявших территорию Башкирии, перенести в главу об этногенезе. Любопытные соображения автора о физическом типе и разговорном языке тиссагетов, ирков и других племен, населявших Южный Урал и Приуралье, до проведения археологических исследований в значительной степени остаются гипотезами. На основе этнографических материалов, а также данных антропологии, археологии и частично лингвистики автор дает следующую схему этногенеза башкир. В начале I тысячелетия до н. э. (не позднее VIII в. до н. э.) на территории Башкирии, заселенную тогда европейскими племенами, проникли с востока племена, по физическому типу монголоидные, в VII в. до н. э. ставшие основным компонентом в формировании физического типа населения Башкирии и Прикамья. Уже тогда (VII в. до н. э.) часть племен на территории современной Башкирии имела общий, по всей вероятности, древний башкирский язык. С. И. Руденко связывает этнические древних башкир с тиссагетами, ирками (по Геродоту) и савроматами. С первых веков нашей эры башкир, по мнению С. И. Руденко, можно уже рассматривать как «единую группу племен с бытом, обусловленным в какой-то мере кочевым скотоводством» (стр. 351). Следовательно, основные этнические особенности башкир (физический тип, язык, главные элементы материальной культуры) сформировались к первым векам нашей эры. Бурные события последующих эпох (включая особенно так называемое великое переселение народов) не могли не отразиться на физическом типе, языке и быте башкир, но, по словам автора, «ни контакт с северными финно-угорскими племенами, ни проникновение на территорию Башкирии гуннских, позднее татаро-монгольских, казахских племен, ни взаимосвязи с калмыками и, наконец, позднейшее проникновение с запада таких народностей, как казанские татары и мишари, коренным образом не изменили ни физического типа, ни языка, ни быта башкир» (стр. 351).

Эту схему этногенеза автор предлагает в качестве рабочей гипотезы для будущих исследований. Несмотря на логичность построений С. И. Руденко, в некоторой части они вызывают серьезные возражения. Нам представляется, что автор недооценивает поздние этапы этнической истории племен Восточной Европы (примерно, начиная с IV в. н. э.) в сложении основных этнических признаков башкир. Так, имея в виду многочисленные передвижения тюркоязычных племен на территории Восточной Европы в I тысячелетии н. э., С. И. Руденко пишет, что «все инородные элементы, в большинстве своем родственные башкирам по языку и культуре, были немногочисленны и ассимилированы последними» (стр. 329). Между тем предания и легенды указывают, что крупные башкирские племена — кыпсак, бурзян, тамьян, тангаур и другие были привлечены в Приуралье движением кочевых народов в Восточную Европу в I тысячелетии. Часть северо-восточных башкир поселилась в Башкирии позднее, в период господства монголов. По нашему мнению, С. И. Руденко преждевременно отрицает участие угорского компонента в этногенезе башкир во второй половине I тысячелетия н. э. Этому противоречат и приводимые самим автором этнографические и антропологические материалы. В главе об искусстве башкир С. И. Руденко убедительно показал, что шитый гладевый орнамент у башкир угорского происхождения. Отмечая на стр. 338 особенности физического типа части северных башкир, автор объясняет их «примесью угорского компонента». Угорское влияние С. И. Руденко относит к поздним периодам, но никак этого не обосновывает; между тем при решении данного вопроса нельзя оставлять без внимания многочисленные, может быть, несколько преувеличенные, но все же имеющие какую-то реальную основу утверждения древних авторов об этнических связях башкирских и мадьярских (венгерских) племен.

Несмотря на наличие отмеченных спорных положений, глава об этногенезе башкир является одной из наиболее интересных. Автор подводит итоги этнографического и антропологического изучения башкир и приводит также последние данные по археологии и лингвистике (диалектологии) башкир. Очень ценно наблюдение автора о совпадении в общих чертах этнографических областей с делением башкир по физическому типу, а также с границами распространения башкирских диалектов.

В заключение автор дает краткую характеристику коренных изменений в хозяйстве, материальной культуре, быте башкир, а также в их семейной и общественной жизни, происшедших в результате социалистического строительства, справедливо полагая, что подробный показ этих изменений является задачей специальных исследований по современной этнографии башкир.

В приложении дано 5 карт. Наиболее ценны из них карты, показывающие расселение башкирских родовых групп и распространение элементов материальной культуры башкир, а также карта, отражающая физические типы башкир. Все главы книги иллюстрированы.

Несмотря на отмеченные недостатки, книга С. И. Руденко представляет большой научный интерес. Она содержит богатый фактический материал по дореволюционному быту башкирского народа, дает полное представление о национальной специфике башкирской культуры в конце XIX — начале XX в., продвигает вперед решение вопроса об этногенезе башкир и дает материал для дальнейших исследований в этом направлении.

Р. Г. Кузеев

Українська народна поетична творчість, Радянський період. Академія наук Української РСР, Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії, Київ, 1955.

В печати уже отмечалось, что Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР в послевоенные годы проведена большая работа в области публикации и исследования украинской народной поэзии¹.

Рецензируемая книга является учебным пособием для студентов высших учебных заведений по украинскому советскому фольклору. Написана она коллективом фольклористов Института искусствоведения, фольклора и этнографии и до некоторой степени подводит итог многолетнему изучению украинского народно-поэтического творчества.

Книга состоит из введения и 5 глав, в которых рассматриваются основные жанры украинской советской народной поэзии: «Песни», «Думы», «Частушки и коломийки», «Пословицы и поговорки», «Сказки, легенды, рассказы». Внутри глав выдержан исторический принцип рассмотрения фольклора. Такое построение книги как учебного пособия представляется правильным, так как оно позволило авторскому коллективу показать специфику каждого жанра, его развитие и в то же время проследить, как народная поэзия откликалась на те задачи, которые вставали перед советским народом на разных этапах социалистического строительства.

В книге показано большое воспитательное значение народно-поэтического творчества, что обусловлено высокой идейностью, значительными художественными достоинствами и оперативностью многих жанров народной поэзии: «...мы не должны забывать, — говорится во введении, — что фольклор, как и литература, не только отражает жизнь, но и берет в ней непосредственное активное, творческое участие» (стр. 10). На общественно-воспитательное значение народно-поэтического творчества указывается в каждой главе книги. Как достоинство рецензируемой книги необходимо отметить и то большое внимание, которое уделено в ней анализу художественной формы фольклорных произведений. Отдельные замечания о поэтической форме рассыпаны по всей книге: при анализе идейно-тематических особенностей фольклора авторы учебного пособия, как правило, отмечают и те художественные средства, при помощи которых они воплощены в произведениях. Кроме того, в каждой главе (за исключением последней) художественным особенностям жанра отведены специальные разделы.

В целом книга представляет значительный интерес. Это и не случайно: авторами ее являются научные работники, которые много потрудились над изучением фольклора, — М. Т. Рыльский, П. Н. Попов, Ф. И. Лавров, А. М. Кинько, М. П. Стельмах, П. Д. Павлий, Г. С. Сухобрус. Но книга не лишена и отдельных недостатков, неточностей, спорных положений. Одни из них обусловлены общим состоянием науки о фольклоре, других можно было бы сравнительно легко избежать. Остановимся на некоторых из них.

К числу недочетов рецензируемой книги следует отнести прежде всего недостаточно глубокий анализ поэтических произведений. Анализ произведений искусства должен помочь читателю не только раскрыть их идейное содержание, но и показать, при помощи каких поэтических средств оно воплощено, в чем художественное своеобразие данного явления искусства; показать достоинства и недостатки произведения. Только такой анализ может принести пользу, в книге же «Українська народна поетична творчість» он иногда подменен пересказом содержания произведений или самыми общими замечаниями. Приведем несколько примеров. На стр. 58 после выдержки из песни «Гей, ще сонце не зійшло» говорится: «Песня отличается глубоким идейным содержанием и насыщена художественными образами. Она рисует типичную картину жизни колхозного крестьянства». Можно ли судить об особенностях песни по этому замечанию? Конечно, нет. Его можно отнести к большинству песен колхозного крестьянства. Автору следовало показать, в чем художественное своеобразие данной песни, как в ней используются те образы, о которых шла речь. Подобные примеры встречаются и при рассмотрении многих других произведений в ряде глав книги. Думается, этот недостаток вытекает из того, что авторы отделили анализ художественных и сти-

¹ См. «Советская этнография», 1955, № 4.